

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Курбатова*
Редактор серии *А. Антонова*

Вербинина, Валерия.
В31 Ангелов в Голливуде не бывает : [роман] /
Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо,
2019. — 448 с. — (Любовь, интрига, тайна).

ISBN 978-5-04-103812-0

Счастливое детство в царской России, бегство после революции за границу, работа машинисткой в лос-анджелесской газете во время Великой депрессии — все это выпало на долю Татьяны Коротич. Ее скромную одинокую жизнь на чужбине полностью изменило знакомство с итальянским семейством Серано. Татьяна влюбилась в одного из четырех братьев, но он трагически погиб. После этого ею овладела апатия, и она приняла ухаживания другого брата Серано, Тони. Девушку даже не смущало, что к тому времени из добропорядочного работника автосервиса Тони превратился в правую руку итальянского мафиози. Таня убеждала себя, что сама она к его криминальной деятельности не имеет отношения, не подозревая — если свяжешься с мафией, то вырваться уже не получится...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

ISBN 978-5-04-103812-0

*Данный роман является вымыслом,
любые совпадения с реальностью
случайны.*

1

Асфальт плавился от жары. Я не могла отделаться от ощущения, что колеса моей колымаги вязнут в нем. От духоты, царившей в салоне, не спасали даже открытые окна. Не выдержав, я остановила машину возле аптеки на углу и смело шагнула в раскаленное марево лос-анджелесского дня.

Дверь хлопнула, отрезав меня от адского пекла, но облегчения не наступило. Под потолком устало ворочал лопастями старый вентилятор, больше притворяясь, что приносит прохладу. Стоящий за прилавком мужчина, который любовно протирал весы, повернул голову в мою сторону. Как и в большинстве местных аптек, здесь торговали не только лекарствами, но и напитками, кремами, леденцами и тому подобным. На вид продавцу было около пятидесяти, и он производил впечатление человека, который уже родился таким, каким вы его встретили. По крайней мере, представить его ребенком или подростком казалось практически невозможным. У него было худое лицо со стертymi чертами, печальные глаза существа, на которое ополчился весь свет, усы щеткой и скупые, замедленные движения.

❧ Валерия Вербинина ❧

— Добрый день, — сказала я. — Содовая с мороженым есть?

— Для вас хоть шампанское, леди, — отозвался продавец. Он оставил в покое весы и взял высокий стакан.

— Значит, шампанское тоже есть?

— Разумеется. В Париже и в Канаде, полагаю, тоже. — И он возрился на меня с невозмутимым видом. Я не могла удержаться от улыбки. — Жарковато сегодня, а? Вам какое мороженое положить?

— Давайте ванильное.

Глотнув холодный напиток, смешавшийся с мороженым, я почувствовала, что мир не так уж плох, как мне казалось минуту тому назад. Зазвенела касса, продавец придвинул ко мне сдачу.

— Повторите, — попросила я.

— Может, на этот раз с клубничным мороженым?

— Давайте с клубничным. Кстати, не подскажете, до портнихи Серано далеко ехать?

— На машине минут пять, наверное. Прямо до перекрестка, потом налево, — ответил продавец. — Красный дом с вывеской. Рядом автомастерская, не пропустите, я думаю. Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо, больше ничего.

Мне показалось, что за время моего отсутствия сиденье в салоне стало еще горячее, хоть я и полагала, что это практически невозможно. Ерзая на месте, я в который раз спросила себя: за каким чертом я поддаюсь на уговоры Гормана и потащилась сюда в свободный от работы день? Впрочем, раз я была так близко от цели, отступить не имело смысла, и я включила зажигание. Мотор недовольно чихнул

несколько раз, но все-таки завелся, и я поехала к перекрестку, на котором в этот час не было видно ни единой машины, кроме моей.

Миссис Серано жила в маленьком двухэтажном домике. Довольно скромная вывеска извещала, что тут находится ателье, но обычные клятвенные (и лживые) заверения, что владелица имеет отношение к парижской моде, отсутствовали. Когда я вошла, над дверью робко тренькнул колокольчик, но тут же умолк. Жалюзи были опущены, свет еле-еле проникал сквозь щели, и в помещении царили полумрак и восхитительная прохлада. Осмотревшись, я заметила портновский манекен, не обремененный лишними деталями тела — такими, как голова, руки и ноги. Также имелись в наличии высокие ширмы в углу, стол закройщицы с обрезками тканей, нитками и подушечкой, ощетинившейся булавками на манер ежа, небольшой ковер на полу и несколько журналов и разрозненных страниц с фасонами платьев на кресле, явно выдавшем лучшие времена.

— Есть кто-нибудь? — громко спросила я.

Мой вопрос ушел в никуда. На стене, прищипленные булавками к обоям, красовались несколько открыток, и я подошла поближе, чтобы их рассмотреть. Актеры и певцы — почти сплошь итальянцы. Я заметила карточку Валентино¹, а также нескольких оперных исполнителей. Была среди них и фотография очень красивой женщины с автографом, надписанным не горизонтально, как это обычно делается,

---

¹ Рудольф Валентино (1895—1926) — кинозвезда итальянского происхождения, пользовавшийся исключительной популярностью.

❧ Валерия Вербинина ❧

а вертикально. Поглядев на лицо, я сразу вспомнила, кто это — еще до того, как увидела имя, напечатанное мелкими буквами внизу карточки. Больше всего, впрочем, меня заинтриговал тот факт, что открытка, судя по всему, была русской.

— Что вам угодно? — произнес низкий женский голос за моей спиной. В речи говорившей чувствовался небольшой итальянский акцент.

Я быстро обернулась. Возле двери, которую я сначала не заметила и которая, очевидно, вела во внутреннее помещение, стояла женщина с темными волосами, собранными на затылке в узел, и пытливыми глазами. Лицо гладкое, почти лишенное морщин, но тем не менее я поняла, что ей, наверное, уже сравнялось 40. Она изучала меня и явно не скрывала этого.

— Вы миссис Серано? — сказала я. — Роза Серано?

— Да, так меня зовут. — Она повела плечом и едва заметно улыбнулась, не переставая следить за мной. — Вы хотите что-то сшить?

— Да, то есть... То есть не совсем. — Я почувствовала, что начинаю теряться перед этим ясным и в то же время таким оценивающим взглядом. — Меня послал к вам Фрэнк Горман. Он должен мне денег... а так как заплатить он не может, мы условились, что я получу в свое распоряжение ткань, которую вам отдала его жена, чтобы... чтобы вы сшили ей юбку. Впрочем, он сам все написал...

Порывшись в сумочке, я достала записку Гормана и отдала ее Розе. Подняв брови, моя собеседница развернула сложенный вдвое лист и пробежала письмо глазами. Как будто этого было мало, покоси-

лась на меня и принялась читать еще раз, медленно, с самого начала. Чувствуя себя немного не в своей тарелке, я отвернулась к стене с открытками и стала смотреть на лицо прекрасной дамы в открытом бальном платье и диадеме с крупными камнями.

— Это Лина Кавальери¹, — подала голос хозяйка. — Для нее писали оперы знаменитые композиторы. Надпись на открытке странная, конечно...

— Ничего странного, — не удержалась я. — Это ее фамилия на русском.

— О! — Роза впервые посмотрела на меня с любопытством. — Вы русская?

Я не видела смысла этого отрицать.

— Красивая она была, — сказала Роза, складывая записку. — Очень.

— Да, я ее видела однажды. Правда, это было давно, еще до войны.

Во взгляде Розы появилось недоверие.

— Сколько же вам было тогда? — спросила она.

— Лет пять, наверное. Мы остановились в отеле на юге Франции, спустились вниз и увидели ее в саду. У нее было белое платье со шлейфом и белый зонтик от солнца. Она просто стояла, а вокруг толпились пять или шесть мужчин. Помню, хотя я была маленькая, меня все же это немного озадачило.

Роза вздохнула.

— У мистера Гормана скверный почерк, не уверена, что я прочитала ваше имя правильно, — негромко промолвила она. — Как оно произносится?

---

¹ Лина Кавальери (1874—1944) — итальянская оперная певица, знаменитая красавица, служившая моделью для многих художников.

❧ Валерия Вербинина ❧

— Татьяна.

— Вы хорошо знаете мистера Гормана?

— Ну... Мы работаем в газете. Я машинистка, он репортер. — Роза молчала, и я почувствовала необходимость объяснить: — Платят мало, и я беру заказы на дом. Я кое-что напечатала для него, но он не смог мне заплатить, поэтому... поэтому я здесь.

— Сколько он вам должен?

— Девять с половиной долларов.

Моя собеседница усмехнулась.

— Ткань, которую купила его жена, столько не стоит, — веско уронила она. — Даже если добавить задаток за пошив юбки... Я вам сейчас покажу.

Роза удалилась и почти тотчас же вернулась с куском материи, который оказался дешевым ситцем безнадежной расцветки. Я почувствовала, как во мне начинает закипать злость. Итак, я угробила несколько свободных вечеров на то, чтобы перепечатать идиотский детективчик, который накропал Фрэнк, и что же получила взамен? Расходы на бензин, чтобы добраться до миссис Серано, ситец, который я не стала бы носить даже в кошмарном сне, и в перспективе — солнечный удар, который почти наверняка прикончит меня по дороге домой.

Входная дверь грохнула, колокольчик взвыл сиреной. В помещение ввалились двое: один — плечистый и развязный, в шляпе, заломленной на затылок, но по-настоящему я разглядела только второго. У него было красивое доброе лицо — сочетание само по себе редкое, потому что красоте частенько сопутствуют гордыня, зазнайство и сонм других, более мелких грехов. Заметив меня, он застенчиво улыбнулся, и от его улыбки в полутемной комнате словно стало

светлее. Развязный, завидев меня, сдернул с головы шляпу, но я не обратила на это внимания.

— В чем дело, Тони? — недовольно спросила Роза, адресуясь главным образом к развязному.

— Ни в чем, мама, — ответил тот, косясь на меня. — Винс выдул всю газировку и убрался к своей невесте. С утра только и говорил, что о шторах и мебели, которые будут у него в доме. Аж тошно слушать!

— Тони! — Роза послала сыну предостерегающий взгляд.

— Мам, посетителей все равно нет, — вмешался второй из вновь прибывших. — И в гараже адски жарко.

— У меня посетитель, — промолвила Роза строго, но уже сейчас было заметно, что ее строгость — напускная. — Вы что, оставили Лео в мастерской одного?

— Почему одного? — пожал плечами Тони. — Шрам же с ним.

Роза нахмурилась.

— Я уже просила тебя не называть его так, — сказала она сухо.

— При чем тут называть — не называть, — проворчал Тони, с преувеличенным вниманием оглядывая подкладку шляпы, — если само на язык просится... — Роза сверкнула глазами. — Ладно, мам, я все понял. Как насчет позднего обеда... или раннего ужина?

Его брат фыркнул.

— Я же сказала: у меня посетитель, — напомнила непреклонная Роза. — Вернется Винченцо, сядем за стол.

❧ Валерия Вербинина ❧

— А если он там застрянет до завтра? — хмыкнул Тони, блестя глазами.

— О мадонна, что за наказание с этими детьми! — не выдержала Роза. — Антонио, Джонни, идите и не мешайте мне работать!

Хохоча и толкаясь, братья пересекли комнату и скрылись за дверью, причем Тони на прощание отвесил мне поклон, держа шляпу в руке.

Роза вздохнула и перевела взгляд на меня.

— Это ваши сыновья? — задала я глупый вопрос, просто чтобы сказать что-нибудь.

— Да. — Даже в этом коротком слове чувствовала ее гордость. Определенно Роза Серано начала мне нравиться.

— И сколько их у вас?

— Четверо. Винченцо, Антонио, Джонни и Лео. Они работают в автомастерской по соседству.

Подъезжая к дому Розы, я заметила рядом мастерскую, но не обратила внимания на вывеску. Что ж, удобно: мать — в ателье, дети — в двух шагах в гараже.

— А ваш муж? — не подумав, ляпнула я и тотчас же пожалела о своем вопросе. Лицо Розы замкнулось, улыбка исчезла.

— Мой муж умер, — сдержанно ответила она. — В больнице.

— Простите, пожалуйста, — поспешно проговорила я. — Мне не стоило...

— Нет, нет, все в порядке. Как я вам уже говорила, — продолжала Роза, встряхивая ткань, которую все это время продолжала держать в руках, — этот кусок не стоит девяти с половиной долларов. Нехорошо было со стороны мистера Гормана так вас обманывать.

Я смешалась.

— Может быть, Фрэнк не знал... Или жена ему сказала, что ткань стоит дороже...

Слушая мой бессвязный лепет, Роза усмехнулась и покачала головой.

— Вы хотите забрать этот кусок? Будете шить сами?

— Я не знаю, — мрачно ответила я. Абсурдность ситуации начала меня угнетать. — Ткань ужасная, что из нее вообще можно сделать?

— На вас? — Роза мгновение подумала. — Платье.

Я представила себя упакованной в платье из синего ситца с рисунком в виде белых тюльпанчиков, и содрогнулась.

— Если я возьмусь за дело, — добавила моя собеседница, разворачивая материю и прикладывая ее ко мне, — это будет такое платье, которое не стыдно надеть на вечеринку к друзьям.

— Тут не хватит на платье, — попыталась я опустить Розу с небес на землю.

— На миссис Горман не хватило бы, у нее широкая кость. Но на вас — хватит. И я не возьму с вас много за пошив, тем более что миссис Горман уже внесла часть суммы. — Я заколебалась. — Красивые девушки должны ходить в красивой одежде. Решайтесь. Эта ткань, конечно, не шелк и не атлас, но любая ткань — это только полдела. Главное — раскрой. А самое главное, конечно человек, который все это будет носить.

Похоже, черные глаза Розы Серано обладали даром гипнотизировать, потому что я почувствовала, что готова согласиться; но когда портниха добавила, что аванса, оставленного миссис Горман, не хватит и я

❧ Валерия Вербинина ❧

должна ей еще пять долларов, меня снова охватили сомнения. Моя собеседница тотчас же их заметила.

— Впрочем, — сказала она, — деньги можете занести позже, а я пока подумаю над фасоном. В четверг вам удобно?

Я сказала, что четверг меня вполне устраивает. Роза сняла с меня мерки, записала их в книжечку и дала мне свой телефон, а я продиктовала свой адрес и номера, по которым меня можно было найти. Как видите, вместо обретения прибыли в девять с половиной долларов я дала втянуть себя в дополнительные расходы, и уже по одному этому можно было судить о моей практичности. Провожая меня до двери, Роза легонько дотронулась до моей руки и сказала:

— Позвольте мне дать вам один совет. В следующий раз требуйте с мистера Гормана всю сумму и не идите на уступки, хорошо?

Я пообещала ей, что в следующий раз непременно, обязательно, однозначно буду тверже камня, и, попрощавшись с портнихой, шагнула обратно в раскаленный ад.

2

Подойдя к машине, я заметила, как из-под нее сверкнули чьи-то желтые глаза. Мелькнул кончик пушистого серого хвоста и тотчас же исчез. Кот, конечно же. Ему тоже было жарко, и захотелось понежиться в теньке, только вот место он выбрал совсем неудачное. Я наклонилась и заглянула под машину.

— Вылезай, — сказала я коту. — Кш-ш! Брысь!

Кот весь подобрался и замер. С его кошачьей точности зрения, я, вероятно, выглядела как захватчица, которая — чем черт не шутит — пытается выгнать его, чтобы самой полежать в тенечке, и он расположился так, что снаружи его достать было практически невозможно. Я хлопнула в ладоши раз, другой — кот не шелохнулся. Он сидел, тараща на меня свои желтые глазищи, и явно не собирался сдаваться без боя.

Я открыла дверцу и надавила на клаксон. Из автомастерской вышел работник в синем комбинезоне. Став в тени под навесом, он зажег спичку о ноготь и с наслаждением затянулся. Клаксон ревел и трубил, как раненый слон. Когда я снова заглянула под машину, кот по-прежнему сидел там, но сейчас он, казалось, ухмылялся — как вполне достойный потомок Чеширского кота.

— Вам помочь, мисс?

Работник подошел ко мне, и тут я, признаться, озадачилась. Передо мной стоял парнишка лет 16—17, не больше. Каштановые волосы, давно не стриженные, лезли в глаза. В пальцах дымилась недокуренная сигарета.

— Кот забрался под машину, — объяснила я. — И не хочет вылезать, а дотянуться до него я не могу.

— Ясно, — сказал мой собеседник и, наклонившись, заглянул под машину. При этом движении волосы на его лбу качнулись, открыв старый шрам, который заходил на левую бровь и рассекал ее надвое. Поглядев на руки незнакомца, я заметила другие рубцы от старых шрамов, которые совершенно не вязались ни с его возрастом, ни со свежим лицом, но не успела даже удивиться, потому что мой собесед-